

Эта же аллегория более подробно разработана Державным в оде «Осень во время осады Очакова».

Вступив на путь картинной поэзии или «говорящей живописи», Державин мог просто и безболезненно включать в свои стихи описания произведений изобразительного искусства, как он и сделал это в стихотворении «Ключ» (1778-79):

«Седящ, увенчан осокою,
В тени развесистых древес,
На урну облегшись рукою,
Являющий лицо небес,
Прекрасный вижу я источник. . .»

В этой строфе дано описание статуи, стоявшей возле источника в гребеневском имении Хераскова, и в то же время дано поэтическое «олицетворение» источника, согласно правилам аллегории, равнозначным для поэзии и для скульптуры.¹

Далее следуют живописные «картины» источника в разное время дня, подводющие читателя к идее о «священном источнике стихотворства» — о Кастальском ключе.

«Когда в дуги твои серебристы
Глядится красная варя,
Какие пурпуры огнисты
И розы пламенны, горя,
С паденьем вод твоих катятся!
.
О, коль ночьюю темнотою
Приттен вид твой при луне,
Как бледны холмы над тобою,
И рощи дремлют в тишине
А ты один шумя сверкаешь!» и т. д.

В идиллиях Сумарокова «ручейки» и «источники» входили в поэзию как необходимые признаки жанра идиллии, они не выражали ни действительности, ни какой-либо идеи, так же как ничего не выражали «ручейки» пасторалей Буше, служившие чисто декоративным элементом в пасторальной живописи.

«Ключ» Державина — это, во-первых, реальный гребеневский источник, во вторых — выражение идеи о священном ключе стихотворства.

Эти элементы: жизненный факт, соотносенная с ним идея и картина, выражающая эту идею, — неизменно присутствуют в поэзии Державина, о чем он говорит и сам:

¹ «Река изображается в виде старика с длинными власами и густою бредою, увенчанного венком из тростника, лежащего в камыше и облокотившегося на сосуд, из коего течет вода. . .» (Нестор Амбодик. Символы и эмблемы. 1786).